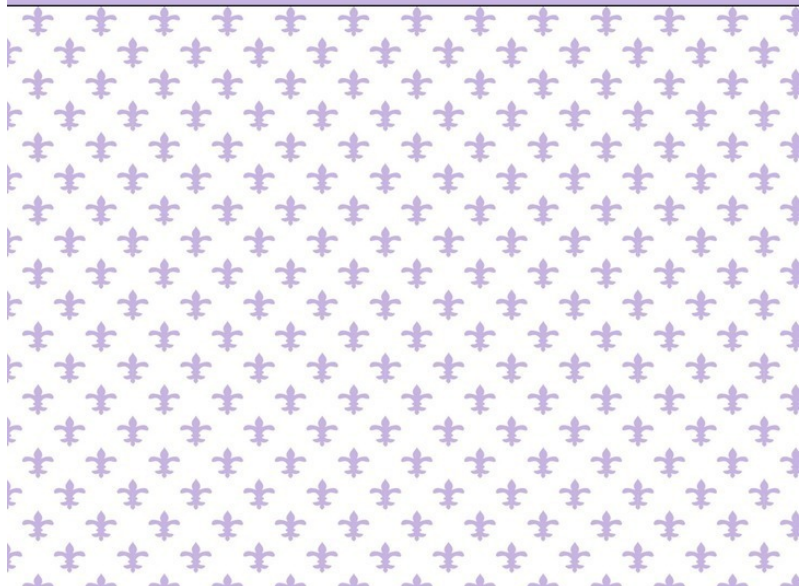

Максим Чупров

Холодная рука

Сборник рассказов

Максим Чупров
Холодная рука.
Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25912179

ISBN 9785448567230

Аннотация

Холодная рука касается вас, и по коже бегут мурашки. Это прикосновение смерти. Но не вашей. Это вы несете смерть. Вы вынуждены это делать, как обычный человек вынужден дышать, иначе умрет. И вам с этим жить.

Содержание

День дураков	5
Степь	17
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Холодная рука

Сборник рассказов

Максим Чупров

© Максим Чупров, 2017

ISBN 978-5-4485-6723-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

День дураков

Утром первого апреля Лиза сказала:

– Папа, у тебя спина грязная.

Николай Правдин схватился за плечо, потянул пиджак вверх, шея вывернулась так, что, казалось, хрустнет. Ничего не было видно, и Правдин направился к зеркалу. Лиза громко рассмеялась.

– Первое апреля, никому не верю!

Правдин нахмурился.

– Очень смешно, – сказал он, вернувшись за стол.

– Ты сегодня тоже кого-нибудь разыграй.

– Я не занимаюсь такими глупостями.

– Перестань, дорогой, это же такая традиция. – Жена поставила на стол сковородку с яичницей и села возле Правдина. – В этот день все друг друга разыгрывают.

– Да ну?! – воскликнул он. – А я и не знал!

– Прекрати. – Она хлестнула его полотенцем.

– Ладно, ладно. – Правдин посмотрел на дочь. – Лизанька, у тебя масло на подбородке.

Секунду Лиза молча на него смотрела. Затем улыбнулась самую широкой улыбкой, на какую только была способна.

– А-а-а, нет! Меня не проведешь!

– Я серьезно, Лиза. Вытри.

– Не-а, не верю. Дурочкой буду, если поверю.

– Я не шучу, – настаивал Правдин. – Скажи ей.

Жена глянула на Лизу.

– Да, дочка, у тебя масло на подбородке.

Снова Лиза немного помолчала. Взгляд больших голубых глаз метался от одного родителя к другому.

– Нет, не верю, – повторила она. – Вы сговорились. – И до конца завтрака просидела с заляпанным подбородком.

Поев, Правдин поцеловал жену и вышел в прихожую.

– Обед в портфеле, – донеслось ему вдогонку. – Бутерброды, яблоко и «Сникерс».

– Хорошо! Скажи Лизе, пусть никуда не убегает!

Сегодня Лизин класс шел после уроков в поход.

– С классом три преподавателя, никуда она не денется!

– Получить бы договор материальной ответственности, – пробурчал Правдин себе под нос. Дверь за ним захлопнулась.

Машина пробиралась по городским улицам, тихо играло радио.

«Опять этот дурацкий праздник, – думал Правдин. – И никакой это не праздник – день дураков попросту. Лишний повод ляпнуть дурость и не показаться дураком. К Лизе это, конечно, не относится, она ребенок. Хотя в прошлом году так не дурачилась, видимо, выросла».

Машина подъехала к зданию, где находилась контора Правдина. Он заглушил двигатель и, прихватив портфель, покинул салон. Сверившись с часами, обнаружил, что опаз-

дывает на две минуты. Расстояние от парковки до входа преодолел бегом.

Двери лифта закрывались, и Правдин запрыгнул, не рассмотрев толком, с кем предстояло ехать. Он сильно пожалел об этом, поскольку попутчиком оказался Мешков.

– О, приветствую вас, Николай Степанович! – воскликнул он, протягивая свою медвежью лапу.

– Здравствуйте, – ответил Правдин. Прижатому к стенке, ему с трудом удалось подать руку.

– Чудесный сегодня денек, не правда ли?

Правдин сказал, что правда.

– Я вот простыл недавно, – продолжал Мешков, – так что безумно рад первому солнечному деньку. Ей-богу, никогда не знаешь, чего ожидать от этой погоды.

И в подтверждение своих слов он чихнул, не успев прикрыть рот ладонью. Правдин невольно задержал дыхание, боясь подхватить заразу.

– Будьте здоровы, – сказал он.

– Благодарю, – кивнул Мешков. Затем коснулся пальцами своей макушки. – У вас здесь волосы дыбом стоят.

И хотя Правдин знал, что вероятность того, что Мешков выкинет в этот день какой-нибудь дурацкий розыгрыш, очень велика, волосы на макушке, тем не менее, пригладил. Может, они у него и вправду дыбом стояли. Чертовски глупо он бы выглядел, заявившись с такой прической к начальнику.

Мешков захихикал.

– С первым апреля, дорогой вы мой Николай Степанович. Взрослый человек, а на розыгрыши покупаетесь.

Правдин хотел ответить что-то резкое, но передумал. В конце концов, Мешков не виноват, что родился дураком, пускай повеселится.

– Очень смешно, – сказал Правдин.

– Ладно вам, не обижайтесь. – Мешков похлопал его по плечу. – Невинная шутка, только и всего... Пятый этаж.

Лифт остановился, двери разъехались, Правдин выбрался на свободу.

– Доброго вам дня! – сказал Мешков.

– И вам того же.

Правдин зашагал к кабинету начальника. Он вдруг вспомнил первое апреля прошлого года. Было воскресенье, Правдин с женой и дочерью поехал к теще. За ужином Клавдия Ивановна заявила, что собирается переезжать в деревню. Устала от города, загазованный воздух вреден, а мечта выращивать в собственном огорожке тыквы и подсолнухи так и не осуществлена. Не стоит говорить, что Правдин дико обрадовался. Не умея скрыть ликования, он начал что-то говорить, а губы Клавдии Ивановны, пока он лепетал, растягивались в улыбке. Дождавшись, когда он закончит, она сказала, что сегодня первое апреля и что с его стороны было чертовски глупо верить в этот день в такие столь же очевидно невозможные, сколь очевидно приятные для него вещи.

Правдин побагровел. Бросив вилку в макароны, поднялся и сказал Клавдии Ивановне, что она тупая стерва. Челюсть Клавдии Ивановны отвисла чуть ли не до стола. С тех пор они не разговаривали.

А года три назад Правдин дал затрещину мальчугану, который прикреплял к заднему бамперу его машины связку пластиковых бутылок из-под кока-колы. Мальчик разрыдался, а когда Правдин попытался его успокоить, драпанул так, будто за ним черти гнались.

Впрочем, пора было забыть о розыгрышах и сосредоточиться на работе.

В кабинете у начальника пахло табаком, Петр Васильевич копошился в бумагах. Правдин поздоровался.

– Здравствуйте, здравствуйте, – пробурчал начальник, не глядя на него. – Готовы к работе?

– На сто процентов.

– Синяя папочка. – Он указал пальцем на левый угол стола. – К двенадцатому должно быть готово.

– Хорошо. – Правдин взял папку. – К половине первого двенадцатого числа, верно?

– Да, ступайте, – сказал Петр Васильевич, так и не подняв головы.

Правдин вышел. Насчет ста процентов он, пожалуй, солгал.

Какую-то бумажку на двери своего кабинета Правдин увидел еще издалека. Подойдя ближе, прочитал: «Обществен-

ный туалет». Конечно, для чего еще нужны служебные принтеры, как не для создания идиотских надписей, чтобы лепить на двери коллег!

Правдин резко сорвал прилепленный скотчем листок и швырнул в урну.

В кабинете было темно и душно. Он открыл форточку и раздвинул занавески. Сел за стол, включил радио. Пела «АББА», и настроение у него приподнялось.

Впрочем, ненадолго.

После музыкальной программы начались новости. Диктор сообщил об аварии на пригородной трассе (столкнулись сразу девять машин), об очередной жертве кровожадного маньяка с бабочкой (девушке было всего шестнадцать), а перед прогнозом погоды выдал совершеннейшую нелепость. Правительство Франции, сказал он, решило снести Эйфелеву башню и построить на ее месте новую, на восемьдесят девять метров выше. И назвать Башней Флобера.

«Вот уж дичь! – подумал Правдин. – Как же это так? Снести Эйфелеву башню?! Спятили там во Франции все что ли? Нет, не может быть».

Но тут диктор поздравил слушателей с первым апреля... и Правдин со всего размаху хлопнул ладонью по столу.

– Что за черт?! Да разве можно так?!

Он откинулся на спинку кресла, устремив сердитый взгляд на дверь. Вскоре ему удалось приступить к работе. Все шло однообразно, и дурные мысли ни на секунду

не оставляли его.

«А что если сегодня в школе, – думал Правдин, – какой-нибудь малолетний debil поставит Лизе подножку? Лиза упадет и расшибет носик, на пол хлынет кровь, а малолетний debil скажет директору, что сегодня первое апреля, он просто пошутил, он не хотел ничего дурного, он жутко виноват и извиняется. Директор улыбнется, похлопает малолетнего дебила по плечу – в его возрасте он тоже любил пошутить – и отпустит домой, даже не позвонив родителям».

Есть над чем задуматься.

Правдин выключил радио. Протер глаза, помассировал виски. Крепкий кофе – вот что сейчас нужно.

Он спустился в вестибюль. У кофейного автомата отсчитывала мелочь Ксения Крапивина. Ксения – лучик света во мраке офисного здания номер 18 по улице Кутузова, но Правдин никогда не позволял себе лишнего. У него целых два лучика – жена и дочь. Но как бы то ни было, в обществе Ксении всегда приятно.

– Доброе утро, – громко сказал он.

Ксения вздрогнула, выронив пару монет. Правдин поспешил подобрать их.

– Вот.

– Вы меня напугали. – Она взяла протянутые монеты.

– Извините ради бога.

Он не нашелся, что еще сказать, поэтому Ксения, поглядев на него пару секунд, стала бросать монетки в автомат.

– Ой, – сказала она, когда автомат пополнился на двенадцать рублей. – Трех рублей не хватает.

– Сейчас... – Правдин полез в карман.

– Нет, нет, нет, – запротестовала Ксения, – не нужно. Я, кажется, оставила сумочку, на вахте, когда брала ключ... Не могли бы вы...

Ладно Лиза – ребенок. Ладно Мешков – дурачина. Но Ксения?.. Нет, не может быть.

– Я принесу.

Сумочки на вахте не оказалось. Вахтер никакой сумочки не находил. Правдин поспешил обратно к автомату. Ксения доставала из него стаканчик.

– Там нет, – сказал он. – Я спросил вахтера, но...

Ксения повернулась к нему, улыбаясь.

– С первым...

– Да что сегодня с ума все что ли посходили?!

– Я просто пошутила. – Она шагнула назад. – Не принимайте близко к сердцу.

– Да идите вы к черту! – И под ее ошарашенный взгляд Правдин зашагал к лифту.

В кабинете он уселся за стол и поставил на него локти. Вспотевшие ладони обхватили голову.

«Нужно расслабиться, – говорил он себе. – Просто расслабиться. Это очень легко. Отбросить дурные мысли и подумать о чем-нибудь приятном».

На столе запищал селектор. Звук, казалось, донесся

из другой галактики. Правдин нажал кнопку.

– Слушаю.

– Петр Васильевич просит вас зайти к себе, – прозвучал сухой голос секретарши.

– Иду, – ответил Правдин – до того, наверно, странно, что секретарша спросила:

– С вами все в порядке?

– В порядке. Я иду.

Десять секунд быстрого шага по ярко освещенному коридору.

– Вызывали?

– Да, Правдин, проходите. Садитесь. – Он указал на красное необъятное кресло напротив стола, и едва Правдин уселся, сказал: – У меня для вас задание. Вернее, просьба.

Правдин, прищурившись, посмотрел на начальника.

– Какая же? – медленно спросил.

– Нужно съездить кое-куда. Забрать документы. Наш курьер вчера сломал ногу. Бедный парнишка.

– Очень смешно, – сказал Правдин третий раз за день. – Можете дурачить кого угодно, но меня больше не проведешь.

– Не понял?

– Я к тому, Петр Васильевич, что первое апреля сегодня. Не разыграете вы меня, как ни старайтесь.

– А, вы про это! – воскликнул начальник с каким-то словно бы облегчением. – Нет, нет, никаких первоапрельских

шуточек. Все серьезно.

– Неужели?

Петр Васильевич, нахмурившись, пристально посмотрел на Правдина. Тот в свою очередь глядел на начальника с тем же прищуром.

– Николай Степанович, я не шучу. Поезжайте на улицу Бабушкина, дом двадцать семь, вы должны знать. Второй этаж, офис двести восемнадцать.

– Никуда я не поеду. Другого кого-нибудь посылайте.

– Николай Степанович! – начальник повысил голос. – Хватит дурачиться! Поезжайте немедленно!

– Черта с два! – И Правдин вышел, хлопнув дверью.

Уже шагая по коридору, услышал грозное «Я вас уволю!», но пропустил мимо ушей.

Вернувшись к себе, отключил селектор. Взгляд упал на пакет с обедом, что стоял на краю стола. Бутерброды, яблоко и «Сникерс. Внезапно захотелось слопать «Сникерс». Вот так взять за два укуса и слопать. В такие моменты он радовался, что не курит.

Пакет зашуршал в руках. Это был бумажный, непрозрачный пакет, в какие обычно кладут еду в закусочных, если берешь заказ с собой. Когда Правдин открыл его, раздался громкий хлопок. Пакет выпал из рук. Правдин сидел, не шевелясь, только часто-часто моргал.

Придя в себя, он поднял пакет и осторожно развернул. Из него шел дымок, внутри помимо обеда Правдин обнару-

жил взорвавшуюся хлопушку.

«Обед в портфеле, – вспомнил Правдин слова жена. – Бутерброды, яблоко и «Сникерс».

Он представил, как жена с дочерью укладывают в пакет сначала бутерброды, потом кладут яблоко, затем «Сникерс». А дальше начинается самое интересное. Каким-то непостижимо хитрым способом они, улыбаясь и хихикая, прикрепляют к пакету хлопушку, чтобы когда он открыл, хлопушка взорвалась. Наверняка этот способ описан в какой-нибудь дурацкой книге о розыгрышах. Или это был специальный пакет из магазина розыгрышей.

Правдин достал «Сникерс» и со всей силы сжал в кулаке. Шоколадка превратилась в мягкий бесформенный сгусток, и он швырнул его в стену. Затем проделал то же самое с бутербродами, а яблоко выбросил в форточку.

– Вот гадюки, – прошептал он.

Он снова замер, сидя в своем кресле, и даже не моргал теперь – взгляд был устремлен в одну точку, на дурацкий пакет.

Он не сразу услышал звонок сотового. Когда же мелодия достигла его сознания, медленно засунул руку в карман и вытащил телефон.

Это была Лиза.

Зубы Правдина обнажились в улыбке. Он нажал на кнопку ответа.

– Алло.

Быстро, бессвязно и сквозь слезы:

– Оо слава богу папочка это он я знаю это он у него эта бабочка я отошла всего на минутку у него красная бабочка приезжай скорее это где-то возле парка какой-то гараж батарежка садится папочка приезжай скорее!..

– Очень смешно. Но не старайся, меня больше не проводишь.

Пару секунд Лиза молчала.

– Нееет! – закричала она. – Это не розыгрыш папочка клянусь богом это не розыгрыш!

– Почему бы тебе тогда не разыграть свою мамочку, а?

– Я не разыгрываю прошу поверь он сказал что если...

Связь оборвалась. Правдин откинулся на спинку кресла и закинул руки за голову, довольный, что не поддался на очередную шутку.

Степь

Эмиль брел по мертвой степи. Степь была повсюду. Тысячи километров до самого горизонта. Бескрайний океан степи и маленький человек в его плену. И степь была мертва. Ни стрекота кузнечиков, ни пения птиц, ни единого шороха в траве. Даже ветер не трепал его волосы, не обдувал лицо – ветер умер.

Эмиль брел и боролся с правой рукой. Рука тянулась к бурдюку. При каждом шаге вода заманчиво плескалась. Он боролся изо всех сил. Он не знал, как скоро его спасут и спасут ли вообще, поэтому экономил. Но делать это становилось все труднее и труднее. Горло превратилось в наждачную бумагу, губы потрескались, он хотел поговорить с собой, чтобы облегчить страдания, но каждое слово вызывало жуткую боль.

Пройдя сто шагов, он сделал глоток. Потом второй. На третьем заставил себя остановиться. Вода опьяняла. Эмиль закрыл бурдюк, упал на колени и посмотрел на небо. Есть ли на нем кто-то всемогущий, всевидящий, следящий за порядком? Если есть, то почему позволил этой планете умереть? Почему забросил его на эту планету? Со свинцового неба на Эмиля смотрела только огромная звезда – умирающий красный гигант.

Через час или через два – Эмиль потерял счет времени –

он вышел к реке. Поначалу он обрадовался, но по мере приближения к воде улыбка сползала с его лица.

Стараясь не сорваться, он спустился по крутому берегу и сел на корточки у кромки воды. Вода пахла гнилью. Запах поднимался над ее поверхностью и клубился как пар. Эмиль вытащил из кармана документ приказа – кому он теперь был нужен! – и положил на воду. Листок не двигался. Лежал на месте, постепенно пропитываясь влагой. У реки не было течения; казалось, это вовсе не река, а очень узкое и длинное озеро. Вскоре листок распался на мелкие кусочки и растворился. Слишком быстро, подумал Эмиль.

Он поднялся на ноги и оглядел реку. У противоположно-го берега из воды торчал камень. На нем сидела птица – первое живое существо, попавшееся Эмилю. Птица была черной, она сидела неподвижно и напоминала статуэтку. Эмиль не видел ее глаз, но мог поклясться, она смотрит прямо на него. Смотрит и надеется, что он умрет раньше. Эмиль подобрал камушек и запустил в птицу. Камушек не долетел полметра и упал в воду. Птица не шелохнулась. Он постоял на берегу еще несколько минут, глядя на воду, наблюдая за птицей, и двинулся дальше.

В какой-то момент ему захотелось умереть. К чему все это? Неужели он еще надеется на спасение? Неужели думает, что какой-нибудь корабль приземлится в этой мертвой степи? Не проще ли упасть в траву, дожидаться смерти и пусть птица выклюет ему глаза? И что хуже всего, вспоминая по-

следние годы жизни, сопоставляя все факты, Эмиль задавался вопросом: а ищут ли его вообще? Слишком много существовало людей, претендующих на его должность (взять хотя бы его сына). Людей, которым ничего не стоит сказать: «Так, капитан, поиски можно считать оконченными. Если мы не нашли его сегодня, значит, он уже мертв». Возможно, его ищет Дворцовая Служба Безопасности, но у нее нет ни кораблей, ни людей для масштабных поисков, а сенаторы скорее пройдутся голышом по Храмовой площади, чем выделяют ей деньги. Да и хочет ли он вернуться на свою должность? Эта ужасная одежда, эти бесконечные приемы, эта натянутая улыбка, от которой у него болят мышцы. А люди? Каждый день к нему приходили люди и у каждого свои проблемы. Эмиль ненавидел необходимость вести себя с ними высокомерно. Ненавидел их идиотскую покорность. Он хотел видеть в людях своих друзей. Хотел хлопнуть человека по спине, угостить бокалом вина и поговорить с ним на равных. Эмиль знал, что мог приказать любому вылизать свои сапоги, и через минуту они блестели бы слюной. Друг, каким бы хорошим он ни был, никогда не станет вылизывать вам сапоги.

Должность, конечно, почетная, уважаемая, хотя чего там – лучше и пожелать нельзя, но с годами начинаешь уставать даже от безмерной славы и почета.

А кто он здесь? На этой планете? Ничтожный человек, капля в море, маленькая движущаяся точка на огромной,

безликой поверхности. Хрупкое, беспомощное и, несомненно, умирающее существо.

Эмиль поднялся на холм. Он шел вдоль реки, и теперь она была по левую руку. Впереди простиралась мертвая степь. Примерно через километр река круто поворачивала налево. Эмиль решил идти прямо и не поворачивать за рекой. Река ему не нравилась.

Красный гигант клонился к закату, и перед Эмилем шагала его длинная тень. Температура упала на пару градусов, ему полегчало. Уже стоило подумать о ночлеге. Эмиль остановился. Ночлег? Что за глупость? Можно улечься на землю в любой точке этой мертвой степи, разницы не будет. Здесь нет ни одного места для ночлега. Разве что у подножия холма. Эмиль обернулся.

На холме стояло черное бесформенное существо, закрыв своим телом половину красного гиганта. Короткая рука-отросток шевелилась в разные стороны, словно подзывая Эмиля. Существо было не меньше трех метров в высоту и одного в ширину. Невозможно было понять, где у него голова, где ноги и как вообще оно передвигается. Эмиль решил, что оно учуяло его запах и вылезло из реки, чтобы поймать и съесть. Существо могло быть даже тем камнем, на котором сидела птица. А та птица могла быть сейчас у него в животе... или чем там оно переваривает пищу.

Наконец тварь двинулась. Она пошла на Эмиля. Двигалась медленно, очень медленно, как старик с тростью,

но все же двигалась. Вернее, ползла, приминая траву, словно слизняк.

Эмиль двинулся следом. И если он и шел быстрее, то ненамного.

Десять минут назад он выпил последнюю воду. Пить пока не хотелось, но он знал, если бросится бежать, то через километр свалится, задыхаясь, на сухую траву. Будет лежать, не в силах подняться, пыхтеть и смотреть, как на него надвигается огромное бесформенное нечто. Может быть, он поползет, как раненный солдат на поле боя. Хотя, скорее всего, нет.

Эмиль посмотрел на тварь. Тварь ползла.

Он хотел спать. Он прошагал без остановок пять часов, очень устал и хотел спать. Глаза слипались, ноги заплетались. Однажды он читал о человеке, который протопал во сне полтора километра от своего дома до винной лавки и обратно. Кажется, это называлось лунатизмом. Эмиль тогда рассмеялся и, назвав прочитанное полной чушью, отложил книгу.

Когда красный гигант наполовину скрылся за горизонтом, Эмиль понял, что тварь двигается быстрее, чем он предполагал. Или она ускорила шаг. Или он стал идти медленнее. Как бы то ни было теперь его и бесформенную тварь разделяло не больше пятнадцати метров.

Эмиль ускорил шаг. Ноги запротестовали, взвывая от боли и усталости. Он увеличил расстояние до тридцати мет-

ров и сбавил темп. Когда оно снова сократилось, снял с пояса бурдюк и запустил в тварь. Бурдюк прилип к ее телу, затем вошел внутрь, словно потонув в киселе. А через секунду тварь выплюнула бурдюк с такой невероятной силой, что он пулей долетел до Эмиля, чиркнул его по плечу и упал в траву метров через десять.

Плечо взорвалось болью. Эмиль поморщился, схватился за него и едва не упал. Несомненно, целилась тварь в голову. Могла ли она подобрать несколько булыжников и расстрелять Эмиля? Слава богу, в этой степи не было ничего, кроме сухой безжизненной травы. Впрочем, на берегу камни были. Возможно, она припасла их на случай неудачного исхода погони.

Эмиль надеялся, что тварь не может подолгу оставаться без воды и когда он удалится от реки, оставит его в покое. Но тварь продолжала преследование. Ему стали мерещиться какие-то звуки, и он решил, что это ее издевательский смех. Смех кошки, играющей с мышкой.

Спустя некоторое время ему вообще стало все равно. Он уронил голову, так, что подбородок касался груди и брел, закрыв глаза, отгородившись от всего мира. Он готов был даже воспользоваться великой способностью человека идти вопреки инстинктам и остановиться на месте, чтобы дать холодному скользкому телу сомкнуться на своей спине. Ему даже стало интересно, каково это быть поглощенным жизнью. Каково чувствовать всей кожей податливую мякоть, мед-

ленно тебя переваривающую. Ощущение, наверно, такое, будто плаваешь в болоте серной кислоты. Да, он хотел умереть, но характер не позволял ему сделать это. Поэтому он брел, и смутная надежда оставалась в его сердце.

– Эмиль Третий, не так ли?

Голос был приглушенным и, казалось, доносился из-за толстого стекла. Эмиль остановился, поднял голову и открыл глаза. Сначала все было мутным, в ушах – как будто вата, но потом мир обрел четкость.

Перед ним стоял человек в камуфляжных штанах, массивных ботинках и кожаной куртке. Высокого роста, широкоплечий, с мускулистыми руками. Позади него высилось огромное строение, похожее на космический порт старого образца. Но на самом деле это был замок.

Эмиль потряс головой, словно отгоняя видение.

Человек ухмыльнулся и заткнул за пояс бластер.

Эмиль посмотрел назад. Тварь лежала на земле бесформенной массой всего в пяти метрах от него и растекалась в разные стороны, будто тающий ком снега.

– Ты Эмиль Третий? – повторил незнакомец.

– Да, – ответил Эмиль.

– Ты плохо выполнял свою работу, Эмиль Третий.

– Кто ты?

– Меня зовут Артур, – сказал незнакомец. – Я хозяин этого замка.

– Замка?.. Если у тебя есть средства связи, именем Галактики приказываю тебе сообщить о моем месте нахождения на Ариадну и обеспечить меня всем необходимым до прибытия спасательного корабля.

– Ариадна? – удивился Артур. – Никогда не слышал.

– Что за шутки? Ты слышал мой приказ? Ты знаешь, кто я?

– Неправильно ты себя, Эмиль Третий, ведешь с человеком, от которого зависит твоя жизнь. Неужели ты настолько глуп? Здесь не то место, где можно командовать. Но, я вижу, эта привычка глубоко укоренилась в твоих манерах. Ты видишь это чудовище позади тебя? Почему ты не приказали ему перестать гнаться за тобой? Почему не приказал речной воде сделаться пригодной для питья? Да, я знаю, кто ты, но это не дает тебе никаких привилегий. И теперь я буду командовать.

– Простите, – прошептал Эмиль. – Мне самому это не по душе, я ничего не могу с собой поделаться... У тебя не найдется стакана воды?

– Так-то лучше, – сказал Артур. – Иди за мной.

Они вошли в маленькую дверь в стене замка и попали в узкий коридор. На стенах висели картины с непонятными сюжетами. Эмиль обратил внимание на картину с изображением старика, сидящего на полу, и мертвого молодого человека в его объятиях. Самое интересное – глаза старика. Будто это он убил молодого человека и теперь с ужасом осознает

содеянное.

Вскоре они пришли на кухню. Артур зачерпнул ковш воды из бочки, стоящей в углу, и протянул Эмилю.

– Пей медленно, – посоветовал он.

Ополовинив ковш, Эмиль сказал:

– Мой корабль разбился. Я летел с Кириака на Ариадну и...

– Мне плевать, куда ты летел, – перебил Артур. – Ты плохо выполнял свою работу, Эмиль Третий.

– О чем ты?

– Галактика в упадке. Это твоя вина.

Эмиль вздохнул. Старое как мир обвинение.

– Упадок Галактики не может быть виной одного человека. Это следствие многих причин.

– А если я скажу, что упадок начался с твоего правления.

– Мне это не нравится, Артур. Я не понимаю, куда ты клонишь.

– Ты убийца, Эмиль Третий, – спокойно сказал Артур. – Ты казнил людей безо всяких причин. Чем не упадок? И ты – главный виновник.

– Что тебе нужно?

– Посмотри на эту планету. Много лет назад она процветала. А теперь умирает вместе со своим солнцем. Я – последний коренной житель.

– Ты убьешь меня?

– Галактика забыла свою историю. Эта планета – родина

человечества.

Тут уж Эмиль не выдержал. Ему едва удалось сдержать смешок.

– Эта планета? – Он кивнул в сторону окна, выходящего на мертвую степь. – Эта вонючая дыра на краю Галактики? Ты совсем спятил от одиночества?

– Где же по-твоему родина человечества?

– Не знаю, но точно не здесь.

Эмиль допил воду, поставил ковш на стол.

– Так ты сообщишь обо мне на Ариадну?

– А что если я докажу тебе?

Эмиль уже начинал жалеть, что встретил этого человека. Конечно, он избавил его от твари, напоил водой, но ставить свою жизнь в зависимость от сумасшедшего и слушать его бесконечные бредни... Нет, уж лучше было погибнуть в желудке той бесформенной амфибии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.